

Адам Олеарий

О Лжешуйском, иначе говоря – Тимошке Анкудинове, его происхождении, действиях и гибели

(Из «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» (Книга III, глава 12))

[17.34]

Словарь книжников и книжности в Древней Руси

[Отв. Ред. Д.С. Лихачёв. — М.: Наука. 1987; — СПб: Дмитрий Буланин, 1992, 3-ий вып.]

Адам Олеарий:

Был некий русский, который желал именоваться Iohannes Sinensis [Szuensis?] — что, по его словам, по-сарматски переводится “Иван Шуйский”. Бежав из-за некоторых преступлений из Москвы, он выдавал себя в чужих странах за сына бывшего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Нынешний великий князь Алексей Михайлович с большими затратами разыскал его; он был схвачен, и в минувшем году в Москве его казнили.

Так как он в различных странах, частью лично, частью по слухам, был известен, и весьма многие, в том числе и высокие государи, не знали истинных обстоятельств о нем, и даже были о нем весьма различных и неправильных мнений, — я хочу вкратце рассказать всю истину о нем, как я ее достоверно узнал не только от русских, но и от немцев, живущих в Москве и хорошо с ним знакомых.

Истинное имя его — Тимошка Анкудинов. Родился он в городе Вологде, лежащем в области того же наименования, от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою или Дементием Анкудиновым и торговал холстом. Так как отец заметил в нем добрые способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сих пор не заходили. Помимо того, у него оказался еще хороший голос для пения — он умел красиво исполнять церковные песнопения — и поэтому тогдашний архиепископ вологодский и великопермский, именем Нектарий, полюбил его, принял ко двору своему и поместил на церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана. Тут Тимошка загордился и иногда в письмах своих стал именовать себя внуком наместника вологодского и великопермского. Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женой и ребенком перешел в Москву, где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа “новой четверти”, и устроил писцом в том же приказе.

И здесь он вел себя так хорошо, что ему поручили сбор и расходование денег; а заведывал приказ этот деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и трактиров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но, наконец, подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть, и при этом прибрал к рукам

великокняжеские деньги. Когда он увидел, что при предстоящем отчете (а отчет этот при московском дворе требуют всегда наистрожайшим образом и всех подлежащих отчету держат в страхе) ему неостанет ста рублей, он пустился на всяческие хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденные деньги.

Между прочим, он отправляется к писцу того же приказа Василию Григорьевичу Шпилькину, который был его кумом (что в Москве имеет большое значение) и неоднократно ему оказывал благодеяния, и говорит: прибыл в Москву из Вологды знатный купец, добрый друг его; его он на завтрашний день пригласил к себе в гости: чтобы теперь нарядить свою жену более обыкновенного и вывести, как это принято, с чаркою водки, он просит своего кума и надежного друга одолжить ему своей жены жемчужный ворот и украшения, которые вскоре в полной сохранности будут возвращены ему на дом. Шпилькин, не подозревая ничего дурного, охотно, без залога, исполнил его просьбу, хотя украшения и стоили дороже 1000 талеров.

Тимошка, однако, не только забыл вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькин ему о возврате напомнил, стал отрицать получение от него чего-либо и требовал доказательств. Шпилькин призвал Тимошку к суду и, когда тот тем не менее стал отрицать, он настоял на заключении его в тюрьму. Но так как обвиненного нельзя было уличить, его отпустили на поруки. Тем временем он все-таки не мог вернуть похищенных денег. В то же время и собственная жена Тимошки, с которою он жил не в ладах, стала сильно упрекать его как за это преступление, так и за мужеложство с мальчиками, в котором его часто заставляли, и Тимошка стал опасаться, как бы жена его, в конце концов, не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодеяния вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело, он решился на еще большее преступление: он взял сына своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову в Разбойный приказ, а сам ночью вернулся в свой дом, находившийся на Тверской, недалеко от двора шведского резидента, запер жену свою в комнате, подложил огонь и сжег свой дом, а в нем и жену. Затем он бежал в Польшу, так что долгое время не знали, жив ли он еще или сгорел вместе с домом. Это случилось осенью 1643 г.

Когда, два года спустя, московские послы прибыли в Польшу, и стало известно, что там находится такого рода русский, а Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1646 г. бежал оттуда к казацкому полководцу Хмельницкому, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо. Двумя годами позже царский посланник по имени Яков Козлов, по другому делу, был прислан к Хмельницкому; он увидел здесь Тимошку, узнал его и стал в добрых словах уговаривать, чтобы он бросил беганье и вернулся опять в Москву: ошибка с великокняжескими деньгами легко может быть прощена ему по заступничеству добрых друзей. В то время еще не знали, что он выдавал себя за сына великого князя Шуйского.

Тимошка, однако, не захотел поверить другу, и так как нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 г. бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру. Отсюда он отправился в Австрию, в Вену, а затем в 1660 г. в Трансильванию или Семиградье к князю Ракоци.

Этот последний его принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендациею к другим государям. Отсюда направился он в Швецию, где правившая в то время королева Христина, ради

рекомендательного письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками. Тем временем русские купцы, находившиеся в Стокгольме, сообщили в Москву о прибытии в Стокгольм такого человека.

Его царское величество велел немедленно же послать к ее королевскому величеству в Швецию писца Козлова с письмом такого содержания: “Дошло до сведения его царского величества, что некий русский, к большому ущербу для его царского величества, именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя Iohannes Sinensis, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный Лжешуйский был выдан этому их посланному”.

Названный Шуйский, однако, еще до прибытия гонца, уже успел собраться в путь и уйти в Лифляндию. Оставшийся слуга его Костыка, т. е. Константин, был здесь пойман, закован во многие цепи и отправлен в Москву. Тимошка, правда, был заключен под стражу в Ревеле по розыскному письму ее величества королевы шведской, но вырвался на волю и бежал.

Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецом, из простого подозрения в существовании заговора, были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом. Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда направился он в Лейпциг и Виттенберг с поляком, по имени Стефаном Липовским, принял здесь аугсбургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писанной по-латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сию пору находящейся в означенном университете.

Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец, по имени Петр Микляев из Новгорода, также высланный с царскими розыскными грамотами к немецким князьям и монархам. Отсюда его, по приличествующей случаю просьбе, полученной от того же русского, и также и со стороны знатного купца в Любеке, доставили в княжескую резиденцию Готторп и держали здесь до тех пор, пока от его царского величества не были отправлены специальные грамоты и гонцы к его княжеской светлости в Шлезвиг-Голштинию.

Его царское величество, ради этого Тимошки, рассылал время от времени к европейским королям, князьям и государям послов и гонцов и выхлопывал розыскные грамоты, чтобы беглец нигде не мог чувствовать себя в безопасности, но везде, где бы его ни встретили, мог быть схвачен. Поэтому как только его царское величество узнал от посланника, по этому делу отправленного в Швецию, что Тимошка захвачен в Нейштадте в Голштинии, как он тотчас же отправил к его княжеской светлости двух гонцов, одного за другим, с грамотою одинакового содержания.

Письмо его величества царя московского к его светлости князю шлезвиг-голштинскому.

“Бога Всемогущаго, во всем все творящаго и добрыми утешениями все народы охраняющаго, в Святой Троице возвеличеннаго и в единстве славимаго Господа Бога нашего милостью, промыслом, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую российскую державу, держа в руках скипетр истинной христианской веры, и охраняя другия увеличенныя и вновь приобретенныя государства, с помощью Божию, в мире и без смятения, до века, — мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович и пр. (с обычным полным титулом), державнейшему Фридериху, наследнику норвежскому, герцогу шлезвигскому, голштинскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу ольденбургскому и дельменгорстскому [объявляем] наш любезный привет.

В минувшем 1644 г.— по московитскому календарю 7152 — обокрали нашу царского величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертною казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как они и там совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертною казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей, и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота Хмельницкаго, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великаго государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польскаго, должен был схватить и передать посланным к нему короля польскаго дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому делу означенный Хмельницкий особо писал к нашему царскому величеству. Однако вору и изменнику наши бежали в Рим и приняли там латинскую веру, а затем бежали к другим государям, затевая у них смуту и переменяя имена свои. Один из них Тимошка называл себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов.

После этого их схватили, а именно Тимошку арестовал генерал в Ревеле, а Костьку генерал в Нарве, но оба генерала не хотели, без указа великой королевы шведской, выдать нам обоих изменников. После этого мы писали к великой королеве чрез нашего дворянина NN, чтоб она приказала обоим вышеназванным нашим изменникам передать нам, на что великая королева шведская согласилась и генералу в Ревеле письмом своим указала, чтобы оба наши изменника были переданы дворянину нашему, когда он из Стокгольма прибудет в Ревель.

Когда, однако, дворянин наш из Стокгольма прибыл в Ревель, то ему был передан только изменник Костька. Что же касается Тимошки, то он бежал из-под ареста, и пока наш дворянин находился в Ревеле, нигде не мог быть найден. Однако, позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу. Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означеннаго нашего изменника и переслать его нам. *(До сих пор первое письмо от 31 октября 1652 г. и второе от 5 января 1653 г. были слово в слово схожи одно с другим. В последнем дальше прибавлено.)*

Но в минувшем году в декабре месяце прибыл к нам Петр Микляев из Новгорода и доставил нашему царскому величеству от ваших советников доказательство, что он с Иоганном фонреном из Любека схватил означеннаго нашему величеству изменника в вашем городе Нейштадте, что ими принесена вам жалоба и сообщено о его воровстве, и что, в силу этого, вы приказали его доставить из вашего княжескаго города Нейштадта в Готторп и содержать под сильной стражею. Поэтому мы и посылаем с настоящим нашего царскаго величества письмом означеннаго Петра Микляева, чтобы вы, согласно с первым и настоящим нашим письмом, приказали передать вышеозначеннаго арестанта и нашего изменника нашим посланникам Шпилькину и Петру Микляеву и другим нашим подданным, и соизволили, через них, переслать его к нам, дабы изменник не бежал и не вызвал дальнейших беспокойства и смуты. За то и наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость.

Вор и изменник нашего царскаго величества по имени Тимошка — весьма низкаго звания. Он сын простаго торговца холстами, отца его зовут Демкою Анкудиновым из предместья Вологды, его мать — Соломонидкою, а сына, который еще жив, Сережкою. Означенный Тимошка служил в Москве в новой четверти и обворовал нашу казну, убил свою жену и сжег ее в своем доме, вследствие чего сгорели одновременно и дома многих других людей и многим нашим подданным нанесен был убыток. Поэтому он приговорен к смерти, бежал и находится в бегах вплоть до настоящего времени, вызвав во многих странах беспокойство. Дано в нашей царскаго величества столице Москве 5 января в год от сотворения мира 7161 (от Р. Хр. — 1653)".

Третье и последнее письмо к его княжеской светлости по тому же поводу было отослано 17 октября того же года, после чего пленник был передан русским.

Один из посланников, доставивших эти письма и отвезших пленника, был, как видно из этого письма и как уже сказано, [Василий] Григорьевич Шпилькин, писец, бывший сотоварищ Тимошки в канцелярии “четверти”, у которого Тимошка обманным образом выманил драгоценности его жены. Когда ему однажды было разрешено видеть пленника и разговаривать с ним в присутствии нескольких знатных придворных чинов, Тимошка важною походкою выступил к нему навстречу, представился, будто он его никогда не видал, не хотел даже говорить с ним по-русски, но требовал, чтобы тот говорил с ним на сарматском языке, которого Шпилькин не знал. Когда Шпилькин спросил: “Не он ли Тимошка Анкудинов, обокравший великокняжескую казну и совершивший другие злодеяния?”, он ответил: “Весьма возможно, что негодяй, по имени Тимошка Анкудинов, и обокрал казну великого князя (здесь говорят “обокрасть казну великого князя” не про кражу со взломом в самой казне, но про утайку денег, которые должны были идти в казну или принадлежали казне), но его лично это не касается, так как его имя Iohannes Szuensis, по-сарматски — Шуйский”.

В это время он не хотел сказать, что он — сын великого князя Василия Ивановича Шуйского. Когда, однако, Шпилькин еще дольше с ним стал говорить и начал напоминать ему про прежнюю его жизнь, он начал смеяться над ним и ругать его: он говорил, что не может признать его посланником, что он, как видно из его фамилии, очевидно, торговец шпильками.

Некоторое время спустя, по выраженному им же самим желанию, через придворного канцлера и советников, стали спрашивать Тимошку о некоторых пунктах, а именно: “какого он происхождения и рода? родственник ли он великому князю? почему его великий князь преследует? чем он мог бы вредить ему?”, и Тимошка отвечал частью устно, частью в особой записке.

Его собственные слова были таковы:

«Ведь уже слышали, что я Iohannes Szuensis или по-сарматски Ян Шуйский, наречен в святом крещении Тимофеем. Я — сын Василия Домициана Шуйского, который имеет свое фамильное имя от лежащего в Московии города Шуи и происходит из фамилии московитской нации. Родился я и воспитан в некоей части королевства польского, в провинции новгородсеверской, вотчинник я в Украине Северской, где у меня собственные именья “Великое Болото”, близ московитской границы. Нынешний великий князь мне вовсе не родственник, так как отец его только из дворян) мой же отец был из княжеского рода. Так как великий князь знает это, то он и преследует меня.

Хан татарский, ныне воюющий с короною польскою, подстрекал меня враждебно напасть на московитскую землю, но я, помня, что мои древние предки называли эту страну своим отечеством, из любви к ней, не сделал подобной попытки, то есть не пытался насилием ответить насилием. Я бы мог послать в землю великого князя 100'000 сабель, но Бог да хранит меня от подобного поступка и т. д.»

То же самое излагал он и в письме на имя патриарха. Первый московитский посланник, прибывший из Швеции, явившись к нему, стал с ним дружелюбно говорить и посоветовал ему обратиться с прошением на имя патриарха, имеющего большое влияние на великого князя и легко могущего своим заступничеством вновь вернуть ему милость; и сам посланник также обещал похлопотать. Шуйский, положившись было на слова этого

русского, передал ему закрытое письмо на имя патриарха, в котором, между прочим, говорилось: он родился русским и в крещении наречен Тимофеем (отсюда уменьшительное — Тимошка), его прельщали, чтобы он послал в страну 300000 сабель, но ночью явился ему ангел, увещевавший его не предпринимать ничего подобного против собственного отечества и религии; он принял это к сердцу и хотел вновь в мире идти домой; недавно в Нейштадте ему снова можно было освободиться, но он не захотел этого сделать, чтобы иметь возможность представиться и с посланниками вновь вернуться в Москву. Когда, однако, посланник вскрыл это письмо и прочел его в моем присутствии, Тимошка стал отрицать свою руку и сказал: он ничего об этом не знает; он показал другого рода почерк и ругал и поносил посланника так, что тот, не будучи в состоянии стерпеть, плюнул на письмо и бросил его ему в лицо. Тимошка тотчас же разорвал письмо на мелкие кусочки.

Своими непостоянными и переменчивыми речами и записками Тимошка достаточно ясно выказал, что он стоит на лживой основе. Иногда он говорил: “Он — русский и сын великого князя Василия Ивановича”, а в переданной записке он называл своего отца Василием Домицианом. Между тем известно, что из трех братьев Шуйских — а других Шуйских тогда и не было в России — никто не назывался так. То опять он отрицал свое русское происхождение и писал в вышеупомянутой записке: “Я могу доказать с очевидностью, что — хотя тело мое нестерпимыми муками и ослаблено — тем не менее ни из языка, ни из привычек, ни из состояния моего нельзя вывести, что я москвит”.

Он не отпускал бороды, как другие русские. Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то: латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли. Он умел также писать по-русски разными почерками, меняя руку, смотря по тому, как это ему было выгодно.

Грамоты, приходившие, ради него, от его царского величества к его княжеской светлости он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. “Богу и людям известно, — говорил он, — что каждое запечатанное письмо, подобно настоящим, лишенное подписи, не может иметь значения”

Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссив или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточным, что они снабжены большою печатью. Бояре же и государственные советники, которые вели переговоры по данному делу, подписывают особую грамоту относительно договоров и подкрепляют ее своими печатями, которые имеют то же значение, как если бы подпись была дана самим его царским величеством. Когда Тимошка увидел, что хитрость и обман его разгаданы и что ему не удастся выговорить себе свободу, но что он будет, в конце концов, выдан русским, он из отчаяния думал сам себя лишиться жизни. Когда он на пути в Травемюнде, где его должны были посадить на судно, проезжал мимо Нейштадта, он нарочно выбросился из повозки, упал на голову и подвалился под колесо, надеясь так покончить с собою, но так как ехали по песку и телега сейчас же остановилась, то его невредимого снова посадили в телегу и стали еще старательнее сторожить. Позже на пути в Москву он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни; но так как это заметили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. В общем он был все время довольно весел, вплоть до приезда в Новгород; здесь он начал печалиться и уже от Новгорода до Москвы не желал ни есть ни пить.

Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и перед смертью своею он вел себя крайне упрямо: можно было предполагать, что он поступает так, или желая, чтобы его сочли за сумасшедшего, или же зная, что все равно он будет казнен, сознается ли в правде или нет; из отчаяния он хотел скорее, чем сознаться, продолжать упорствовать в начатом и продолжавшемся им обмане и злодействе, чтобы иностранные государи его постоянством в речах были подкреплены в мыслях, которые он хитростью им внушил. На совесть свою он обращал здесь столь же мало внимания, как раньше при принятии столь многих религий; вероятно, он думал: “Лучше бегом попасть в ад, чем идти туда шагом”.

Когда ему на пытке, в присутствии отряженных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал: он не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним. (А боярин этот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом.) Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему.

Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом или слабым пивом, он отказался от кваса и не захотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошли к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского. Ему, однако, было сказано и доказано, что он сын Дементия Анкудинова, простого торговца холстом в Вологде, а вовсе не из великокняжеского рода Шуйских. Покойный великий князь Василий Иванович Шуйский вовсе не имел детей, а лишь двух братьев: князя Димитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских, которые также не оставили мужского потомства. Эти три брата, вместе с тогдашним патриархом Филаретом Никитичем были отправлены в Польшу в плен, как это указано выше. Старшие два брата умерли в Польше, третий же, по имени Иван Иванович, вместе с патриархом был отпущен на волю, прибыл в Москву и скончался лишь в правление нынешнего великого князя, немного лет тому назад. Было из этого же рода еще одно лицо — именно брат их отца князь Василий Федорович имевший лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который в то время, когда шведский полководец занял Великий Новгород, умер, также не оставив наследников. Таким образом, Тимошка не мог быть из рода Шуйских.

Во время пытки ему была представлена родная его мать — ныне монахиня; она, горько плача, жаловалась на его несчастье и увещевала его отказаться от своего безумия, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрел на нее, но представился, будто не узнает ее. Ему дали очную ставку и с писцом Иваном Песковым, которому он накануне бегства доверил своего сына; одновременно с писцом показали ему и сына. Песков сурово напустился на Тимошку: достаточно уже он пробавлялся ложью и обманом, вызвав и на него, Пескова, высокую его царского величества немилость и причинив ему сердечную скорбь; вспомнил бы он о Боге и признал правду; не его ли это сын, которого он, Песков, теперь к нему сажает?

Следует, однако, знать, что сына этого Тимошка произвел на свет не с законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрел на обоих, поздоровался с Песковым, но больше не хотел говорить с ним ни слова. Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали его признать правду, все-таки он на все их речи, так как достаточно уже был

уличен, отвечал молчанием. Его осмотрели и нашли, что он был обрезан. Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не желал ответить.

Тогда его с пытки перевели на большую площадь перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его ведено было изрубить в куски. Его сейчас же раздели, разложили на земле, отрубили топором сначала правую руку ниже локтя, затем левую ногу ниже колена, потом левую руку и правую ногу и мгновенно затем голову; казнь он перенес, не выражая страданий. Отрубленные куски тела были насажены на пять поставленных стоймя кольев и стояли так до следующего дня; туловище же осталось на земле между кольями и ночью было съедено собаками. На следующее утро оставшиеся кости туловища слугами палача были собраны, отрубленные куски вместе с кольями сложены в сани и все это за городом брошено в яму для падали.

Его бывший слуга Костька должен был смотреть на казнь своего господина. Так как он во всем добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушение присяги его царскому величеству ему объявлен был такой приговор: ему надлежало отрубить три первых пальца на правой руке. Так как, однако, вера их, прежде всего, требует, чтобы они крестились и благословлялись правой рукою, то, по заступничеству патриарха, его помиловали: наказание было совершено над левой рукой. После этого он был сослан в дальний город в Сибири, где ему доставлены все средства для пропитания в течение всей его жизни.

В этот же день и час, когда происходила казнь, польского малого посла или посланника, только что прибывшего в Москву, вели на аудиенцию и нарочно провели через место казни, чтобы он видел ее и мог сообщить, что Лжешуйский, одно время находившийся в Польше, казнен. Вот каков был на самом деле Лжешуйский и какой он получил конец.

* * *

Д.С. Лихачёв:

Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов) Тимофей Демидович (1617-1654) - самозванец, выдававший себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского и претендовавший на московский престол, автор писем и стихотворной декларации. Родился в Вологде, в семье стрельца, который служил у архиепископа Варлаама и одновременно вел торговлю холстом. 19-ти лет А. был в "пищиках" в вологодской съезжей избе. Переехав в Москву, стал подьячим в приказе Новой Чети, где ему покровительствовал известный администратор и дипломат дьяк Иван Патрикеев.

Около 1643 г. А. бежал в Польшу. Подьячий Константин Евдокимов Конюхов (Конюховский), бежавший вместе с ним и сопровождавший его в странствиях, показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом А. сжег свой дом - вместе с нелюбимой женой, которую там намеренно запер, прежде вывезши детей к подьячему Ивану Пескову. Трудно сказать, соответствует ли это действительности. По-видимому, бегство А. и Конюхова из Москвы было как-то связано с опалой, которая постигла их покровителя Ивана Патрикеева после его неудачной поездки в Данию за женихом для царевны Ирины Михайловны (посольство вернулось в сентябре 1642 г.).

В Польше А. объявил себя гонимым царевичем. Есть сведения, что он был представлен королю и взят на дворцовое содержание. Однако после вмешательства русских послов А. пришлось уехать в Турцию. В Царьграде он старался заручиться поддержкой султана, для чего, между прочим, "побусурманился". Но и принятие магометанства мало ему помогло. С помощью сербов самозванец в 1648 г. перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам А. здесь перешел в католичество и, как отмечают источники, принимал "сакрамент").

Когда и эти надежды потерпели крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину к Богдану Хмельницкому. Московские представители настойчиво хлопотали о выдаче беспокойного авантюриста. Хмельницкий отказал, сославшись на то, что у него на Украине, как и в области Войска Донского, всякому пришлому "вору" жить вольно. Тем не менее А., наслышанный о непостоянном нраве гетмана, отправился в новые скитания.

Мятежи, вспыхнувшие в 1650 г. в Пскове и Новгороде, вселили в самозванца надежду, что позиции новой русской династии все еще шатки. А. добрался до Ревеля, откуда собирался "шпиговски, или лазутчески" пересылать в Псков пропагандистские "грамотки". Однако мятежи были тотчас же подавлены, и А. в 1651 г. переехал из Ревеля в Швецию, где в который раз переменял веру (на этот

раз он перешел в лютеранство), затем жил в Нарве и Кенигсберге. Но конец авантюры был уже близок.

В 1652 г. шведские власти позволили людям русского посланника схватить в Ревеле Конюхова, который 28 мая был доставлен в Москву. А. (в обмен на некоторые торговые уступки) выдала в 1653 г. Голштиния, где он пытался найти новое убежище. По дороге пленник тщетно пытался покончить с собой, в Москве был допрошен в застенке, уличен на очной ставке своей матерью инокиней Стефанидой (в миру Соломонидой) и четвертован.

А. был образованным и одаренным человеком. Конюхов рассказывал, что А. еще в Москве "звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался... и в Литве он и досталь того научился". Литературное наследие А. довольно обширно. В основном это - эпистолярная проза, в том числе письма и послания к Конюхову, к дубровницкому князю Милутину, к русскому резиденту при Богдане Хмельницком Василию Унковскому и др. адресатам. Письма А. - это не столько документы, сколько публицистика. Поскольку А. старался доказать, что он законно претендует на московский трон, то и письма свои он стилизовал как "царские письма". Стилизация эта, естественно, опиралась не на реальные тексты, вышедшие из-под пера членов царствующего дома, а на представления самого А. о том, как должен говорить и писать монарх. А. придумывает некий "царский язык" - макаронический, ритмизованный, изобилующий метафорами. Эти образцы "царского языка" чрезвычайно важны для изучения психологии и истории русского самозванства, потому что из всех самозванцев только А. оставил столь обширное эпистолярное наследие.

А. вошел также в историю русской книжной поэзии. 11 декабря 1646 г. он подал в Царьграде русским послам написанную неравносложными стихами декларацию, в которой заявлял о законности своих притязаний (декларация сохранилась в делах Посольского приказа и была обнаружена в 1960-х гг. Ю. Б. Симченко). В декларации есть очевидные полонизмы ("я естем", "Польска"), однако и метрика ее, и стилистика в общем типичны для "приказной школы" (А. был подьячим и вращался в той же среде, что и приказные поэты). Однако русским послам в Царьграде декларацию подавал не подьячий, а "государевич", как выразался А. Значит, мерную речь он тоже считал разновидностью "царского языка". Как известно, царь *Михаил Федорович* ценил искусство слагать вирши. Может быть, А. полагал (ошибочно или нет), что царь Михаил и сам пробует свои силы в стихотворстве. Тогда стихотворная декларация поддельного "государевича" становится понятной и как памятник "царского языка".

До сих пор наследие А. издано только частично и исследовано явно недостаточно. Между тем его надо изучать в целом (эпистолярную прозу, поэзию, вымышленные родословные, поддельные грамоты) - и не только как исторический источник, а как литературную "игру в царя".